

который с его слов составил описание „святых мест“, „очень полезное для тех, кто живет далеко от стран, где были патриархи и апостолы, ничего не зная о них, помимо того, о чем можно прочесть в книгах“.¹ Аркульф мог сообщить жителям Англии много сведений и о Византии. Как явствует из слов Бэды, рассказы эти воспринимались с большим интересом, а автор их был награжден королем Нортумбрии, повидимому, придававшим этим сведениям важное значение. Сообщение Бэды заслуживает внимания, так как, по рассказам Аркульфа, англо-саксы действительно имели возможность познакомиться с Византией. Однако вместе с тем, характер этого знакомства — через случайно попавшего в Англию франкского священника — и интерес, который пробудил рассказ Аркульфа, заставляет думать, что какие-либо прямые связи между обеими странами в это время отсутствовали. Лопес высказывает сомнения в том, что англо-саксонские эмигранты, покинувшие Англию в 1066 г., отправились бы в Византию, ничего о ней не зная. Но они могли получить интересовавшие их сведения от скандинавов, напавших на Англию непосредственно перед нашествием Вильгельма Нормандского и знакомых с Византией.

Таким образом, в целом проблема, поставленная Лопесом, не может считаться разрешенной.

Подобную же научную беспомощность демонстрирует исследование незуита П. Губера о взаимоотношениях между иранским шахиншахом Хосровом II и византийским императором Маврикием.² В этой работе автор большей частью ограничивается повторением хорошо известных фактов из истории ирано-византийских отношений в конце VI — начале VII в. [эти события в последнее время получили глубокое освещение в работе советского исследователя Н. В. Пигулевской „Византия и Иран на рубеже VI и VII веков“ (М. Л., 1946)]. Когда же П. Губер выходит за рамки известного материала, он либо копается в мелочах, пытаясь, например, проследить маршрут бегства Хосрова II в византийские владения, либо же пускается в совершенно не обоснованные фактами рассуждения о „переживаниях“ своих героев. Этот квази-психологический анализ сочетается у П. Губера со столь обычной для буржуазных историков идеализацией коронованных особ: по П. Губеру, Маврикий в своих отношениях с Ираном руководствовался, оказывается, не столько политическим расчетом, сколько... чувством сострадания к несчастному беглецу — Хосрову II; с другой стороны, последний в своей политике по отношению к Византии после 602 г. также исходил не столько из своих политических интересов, сколько из желания... отомстить Фоке за гибель своего „благодетеля“ Маврикия.

Для исследования П. Губера вообще чрезвычайно характерно крайнее преувеличение роли „царственных особ“ в истории: именно им принадлежит, по П. Губеру, ведущая роль в исторической жизни. Говоря о перевороте 602 г., П. Губер вовсе не пытается выяснить причины внутреннего ослабления Византийской империи, облегчившего последующие успехи Хосрова II; его не интересует положение народных масс и вообще процесс социально-экономического развития Византии. На первом плане у П. Губера — судьбы правителей.

С крайним преувеличением роли личности в истории в работе П. Губера связана и другая черта его „методологии“, примечательная

¹ Beda. *Historia ecclesiastica*, V, 15; См. *Opera historica*, ed. J. E. King, vol. II, p. 282.

² P. Goubert. *Les rapports de Khosrau II roi des roi Sassanide avec l'empereur Maurice*, „Byzantion“, t. XIX, 1949.